

Леонид Токмаков

Домашняя магия и Союз Волшебников

Леонид Токмаков

Домашняя магия и Союз Волшебников

<https://litres.ru/74296118>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы точно слышали, что существуют разные творческие союзы: Союз художников, Союз писателей и тому подобное. А про Союз Волшебников вы слышали? Нет. И не должны были! Потому что Союз Волшебников страшно законспирирован.

Героине нашей истории, Соне, открыли доступ к тайнам магических искусств. Какие секреты таит загадочное сообщество? Сможет ли она преодолеть все трудности на этом пути и сохранить доверенные ей тайны? Зависит ли вообще что-то от её выбора? И какая роль отведена Соне в истории Союза Волшебников? Давайте прочитаем.

Содержание

Глава I. История с книгой. Опасный дилетант	4
Глава II. Союз волшебников и пропавшее чудо	36
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Домашняя магия и Союз Волшебников

Глава I. История с книгой. Опасный дилетант

В городе N в отделение местной полиции поступило заявление от гражданки, проживающей на улице Булгакова в доме номер тринадцать, — Тамары Игоревны Незаболуйко. В заявлении Тамара Игоревна писала, что сосед сверху заливает ее квартиру непонятной, но очень вонючей жидкостью. Сначала она думала, что это туалет у соседа протек, потом — что кто-то умер, но по запаху это не было похоже ни на то, ни на другое. А на что оно было похоже, Тамара Игоревна и попросила разобраться полицию.

В полиции, к слову, такие заявления не любят, потому что считают, что соседи сами должны разбираться друг с другом, а если что-то протекло — то обращаться в ЖКХ. В этот раз стражи порядка тоже не торопились реагировать... но подсобил случай.

Однажды в понедельник в отделение приехала проверка из области, и начальник заставил всех чем-нибудь заняться. Двое в форме поднялись на второй этаж второго подъезда

тринадцатого дома и постучались в квартиру номер шесть. Открыл странного вида человек. В доме его стоял страшный кавардак, носилась по полу крыса. Но вода не бежала, ничего не текло, квартиру снизу не заливало. Может быть, причина крылась в том, что заявление было подано еще на прошлой неделе, в четверг, а сегодня понедельник? Проверки министерства любят проводить именно по понедельникам почему-то.

Младший лейтенант Пестиков провел беседу со странным гражданином, пока его напарник стоял рядом, уткнувшись носом в собственный воротник, и позевывал. Пестиков договорил, и они ушли, ускорив шаг, чтобы не дышать этой вонью.

Странный человек закрыл дверь и подошел к заваленному всяческим мусором столу. Сел на покошенный стул, держась за лохматую, нерасчесанную голову. На стол тут же запрыгнула крыса с черным пятнышком на шерстке и прижала ушки.

— Ну что, Чернушка, видишь, ничего не получается... — сказал человек.

Крыса понюхала краешек открытой тетради... и сказала: — Ну, подожди, плохой результат тоже результат. Одно точно известно: заклинания рабочие, а это самое главное.

— Что они рабочие, понятно уже давно, это стало понятно, когда ты со мной заговорила. А дальше — все! Да и от этого какая мне польза? Если узнают, что я тебя понимаю,

закроют меня в дурку и всего делов. А там с кем мне разговаривать?

— А там наши тоже есть, и тараканы еще.

— Это, знаешь ли, не воодушевляет, — ответил человек, взял сигарету с пепельницы и затянулся.

Мысли о сумасшедшем доме не воодушевляли еще и потому, что там он уже бывал. И точно знал, что ничего хорошего в дурдоме его не ждет. С сумасшедшими общаться тяжело. А с теми, кто считает сумасшедшим тебя, — еще сложнее. Они-то виду не подают, как на самом деле к тебе относятся, такие чаще всего бьют в спину.

Среди бардака на столе лежала тетрадь, точно такая же покоилась на столе в кабинете полицейского участка, куда младший лейтенант Пестиков писал черновой вариант отчета о проведенной профилактической беседе на улице имени Булгакова. С жильцами дома, улицы и, вообще-то, гражданами России!

Привычка писать все сначала в черновик была у Пестикова со школьных лет. И в силу его характера сохранилась и теперь. Учился он, к слову, не очень, но школу полиции окончил максимально старательно. И теперь трудился в органах, как мог и как подсказывали старшие коллеги.

Дописав отчет, он скопировал все на компьютере в рапорт, распечатал и пошел «сдаваться».

В коридоре отделения его встретил невысокий и толстый коллега с усиками. Улыбаясь ехидно, коллега спросил:

— Ну что, установили, чем там пахнет? Или у нас очередной висяк?

— Установили. Безысходностью пахнет... — ответил Пестиков.

— Паршивый запах.

— Еще какой!

Вдруг открылась дверь кабинета, и начальник отделения, краснолицый, со сверлящим взглядом, резко бросил:

— Быстро ко мне, а то безысходностью запахнет в твоём кабинете!

Пестиков вздрогнул и скользнул в кабинет Бурундука. Бурундуком полицейские называли начальника отделения между собой за привычку вот так высовываться из кабинета — как суслик. Только для суслика он был толстоват, потому и стал Бурундуком.

За длинным столом сидел проверяющий, заваленный кучей папок с делами. Несколько папок лежали демонстративно распахнутыми.

— Что же, уважаемый, вы так работаете, столько нераскрытых дел у вас? — спросил проверяющий, не поднимая взгляда от документов.

— Так я, это, недавно работаю... — ответил, переминаясь, Пестиков.

— Он молодой у нас, — вставил Бурундук.

— Ну, молодой, немолодой... Вот и надо опыта набираться. Пусть учится дела закрывать. А то научится отписки пи-

сать, потом привыкнет. И вместо полицейского получим нового оборотня в погонах...

Пестиков скомкал в руках принесенный листок. Взгляд проверяющего выстрелил в Пестикова поверх очков, сдвинутых к переносице.

— А что это у вас там? — спросил он, услышав шорох смятой бумаги.

— Вы дайте ему какое-нибудь поручение! — прикрыл Пестикова Бурундук.

— Поручение?

— Ну да, какое-нибудь дело! Из нераскрытых. Пусть исправляется и опыта, так сказать, набирается...

— Какое? Тут их вон сколько. Пусть это возьмет. — И проверяющий, почти не глядя, указал пальцем на край стола, где лежали открытые папки.

Бурундук взял одну осторожно, закрыл и ткнул в Пестикова. Тихо, но командным тоном приказал:

— Исполнять!

Пестиков, выпучив глаза, зажал неаккуратно папку и выскользнул из кабинета, а проверяющий прошипел:

— Молодежью прикрыться у вас не получится, товарищ полковник. Мы до всех доберемся!

Пестиков вернулся в свой кабинет, сел за стол и открыл дело... номер тринадцать.

— Да что же это за день такой сегодня, — вздохнул он.

Странный человек брел между обшарпанных домов с желтыми стенами в трещинах. В руках он нес черный пакет, в пакете что-то клацало, как стекло. У своего подъезда человек увидел Тамару Игоревну с другой неприятной женщиной того же возраста и прошел мимо, опустив глаза. Тамара Игоревна, услышав клацанье в пакете, обратилась к подружке:

— Вот алкаш! Как же он меня достал.

Человек уловил, конечно, эти слова. Да и сказаны они были явно так, чтобы он услышал и был оскорблен. Но человек не подал вида, хоть и давно уже обижался на Тамару Игоревну. Надо сказать, что отчасти она ему даже нравилась. Нравилось то, что соседка не скрывает своего отношения и от нее всегда ясно, чего ожидать. Таких людей он в глубине души даже уважал.

О себе же человек знал точно, что никакой он не алкаш, ведь ему точно известно, что клацает в пакете. Он выставил на стол две бутылки: одна с молоком, другая с прозрачной розовой жидкостью и этикеткой, по которой было ясно, что это газировка.

Ему бы курить бросить, вот бы стал он человеком без вредных привычек. Хотя кроме курения он имел и другие недостатки. Самым большим из них была жадность. Именно из-за жадности он когда-то залез в тот старый сад и забрал оттуда рукописную книгу, которую не хотел потом ни с кем делить. Из-за нее он и остался совсем один — из-за жадности. И из-за книги тоже. Тогда он поссорился со всеми, с кем

только мог.

Если бы тогда он уже умел общаться с животными, то поссорился бы и со своей крысой, но книга научила человека понимать зверей несколько позже. Дело в том, что эта книга многое открыла ему, научила не только понимать язык зверей — человек быстро смекнул, что с помощью книги он сможет обрести невероятную силу и власть! Изучение написанного в книге стало его навязчивой идеей.

В деле номер тринадцать цифра «13» фигурировала несколько раз. Суть его была в том, что в дачном домике номер тринадцать, который находится в дачном кооперативе номер тринадцать, был обнаружен мертвый хозяин. Случилось это шестого числа седьмого месяца, что, кстати, в сумме тоже дает тринадцать. И само дело было от 2013 года. Однако, когда полиция и скорая прибыли по адресу, тела на месте не оказалось. Вызов посчитали бы ложным, если бы не соседка, клявшаяся, что видела тело. В итоге решили переждать, вдруг покойник жив и скоро вернется. Но покойник не вернулся даже для того, чтобы закрыть домик и навести в помещении порядок.

Описание одинокой дачи на всякий случай было подробно изложено. И даже прилагались фотографии. Сад был в цвету, цвело все, что в нем могло цвести. Так что запах был настолько благоуханным, что приятно покруживало голову всем, кто проходил через калитку. В застекленной веранде стоял круг-

лый стол, на столе лежали книги. Тринадцать штук! Двенадцать из них были уложены в две стопочки, а одна лежала отдельно. Рядом лежало винтажное стальное письменное перышко и такая же изящная баночка с чернилами. Внутри домика обнаружился небольшой беспорядок, сообщающий, что хозяин только что был дома, но вышел. Однако с тех пор его не видели ни в саду, ни где-либо еще. Через некоторое время хозяин сада был объявлен в розыск, а дачу опечатали. И завели новое дело — по поиску пропавшего человека.

Ознакомившись с делом, Пестиков пошел к начальнику. С вопросом: «Ну и чего с этим всем делать?» На что получил ответ: «Тебе дали работу, вот и работай». Еще начальник недвусмысленно, а прямым текстом намекнул, чтоб без результата Петя не возвращался и, пока проверка идет, лишний раз тут не маячил. Пестиков все понял и пошел, как его попросили, вон.

Школу милиции Петя окончил с трудом, потому что занятия посещал нерегулярно. Его знания криминалистики в основном базировались на детективных фильмах и сериалах, но по ним Пестиков абсолютно точно знал, что расследовать дело нужно начинать с места преступления. И отправился в дачный кооператив.

В кооперативе жизнь текла своим чередом. Дачники сажали, копали и окучивали грядки. Дети играли кто во что горазд, плескались в надувных бассейнах, бегали и катались на велосипедах. Но, как это обычно бывает в дачных поселках,

общей тишины и покоя эта суета не нарушала. Были слышны и пение птиц, и стрекотание кузнечиков. В общем, лето здесь раскрывалось во всей красе. У Пестикова даже мелькнула мысль, что в этом году оно решило провести свои три месяца в дачном кооперативе номер тринадцать, не покидая его границ. Теперь понятно, подумал Пестиков, почему в городе так холодно и пасмурно.

Он дошел до места, где стоял опечатанный домик. Участок зарос сухой травой, номера дома, как впрочем и самого строения, видно не было. О том, что это тот самый дом, Пестиков узнал благодаря оградительной ленте, растянувшейся сквозь густые сорняки. Окна давно кто-то выбил. Внутри было очень пыльно. На столе лежала пара книг. Пол покосился. Сад выглядел печально, как город, в который не пришло лето. В общем-то, вся эта обстановка была вполне предсказуемой и разумеющейся. Тринадцать лет прошло с тех пор. Но Пестикову нужно было что-то найти. На улику было похоже только то, что книг на столе две, а в деле совершенно ясно указано — тринадцать. Но, учитывая разбитые окна, понятно было, что внутри не раз бывали бомжи. Книги они могли сжечь. В печке-буржуйке нашелся пепел. А за одним из разбитых окон виднелась тропка из примятых трав, уходящая в какие-то кусты.

Выбравшись с участка на залитую летом улицу, Пестиков увидел копошащихся на своем участке соседей. Он перешагнул через узкую дорогу, разделяющую участки, и резко оста-

новился, чуть было не запнувшись о ребенка, оказавшегося у него под ногами. Маленькая девочка с черными косичками посмотрела на Пестикова голубыми глазами.

— Дяденька, вы из полиции? — спросила она, оглядывая форму.

— Да, из полиции, — ответил Пестиков.

— Что-то случилось или дачу решили завести? — подключился к разговору мужчина с круглым голым животом; выпрямившись над грядкой, он вытер пот со лба.

— Да нет, ничего не случилось. Точнее, как случилось... А вы давно тут живете? Знали соседа напротив? Хозяина этого дома.

Мужчина с голым животом ответил:

— Мы этот участок три года держим, при нас дом таким и был. Бомжи в него лазают, судя по всему, но при нас ни разу. Я не видел.

Девочка добавила:

— Мне одна тетенька, вон с того дома, рассказывала, что раньше этот сад был очень красивым. Но она сейчас на дачу не ходит.

— Та тетенька болеет, там пенсионерка, а у детей своя дача, им эта не нужна. А внукам вообще по барабану.

— Понятно, — вздохнул Пестиков, почесывая вспотевшую под фуражкой голову. — Вот и осмотрел я место происшествия...

Он вернулся в дом, поснимал все на телефон, сфотогра-

фировал сад. И сделал снимки дома с улицы и с дороги.

В тринадцатом доме на улице Булгакова тем временем пахло совсем не благоухающими ароматами. Вонь распространялась по всему дому. Человек странного вида на электрической плитке с подходящим для магии названием «Мечта» кипятил что-то помешивая.

— Если все правильно сделали, то должно получиться! — говорил человек. Глаза его азартно блестели, внимательно, даже пристально смотря на кипящую розовую жижу.

Что он готовил, человек не знал, но следовал строго рецептуре, и что-то точно должно было произойти.

Первый в жизни магический рецепт, который он попробовал, привел к выделению огромного количества фиолетового дыма. Этот дым не давал дышать, болела голова, казалось, что дым убивает, но, очнувшись, человек был жив и здоров. Кроме того, он стал понимать язык животных.

Кстати, тогда выяснилось, что животные понимали язык людей и раньше — без всякого колдовства, — потому что они очень интуитивны и внимательны к жестам. Это мы, люди, привыкли полагать, что общаемся звуками и воспринимаем других ушами. Но стоило чуть расшириться в способах восприятия и меньше полагаться на слух, как открылось то, что раньше казалось неведомо.

В общем, после страшного удушья человек осознал много чего нового и был уверен, что рецепты в книге чудодей-

ственные. И если не брезговать ужасающим процессом приготовления снадобий, то результатом может стать что-то изумительное! С тех пор он не гнушался ни дыма, ни вони. Он даже пережил пару пожаров, но продолжал готовить странные рецепты.

Пестиков принял, как наставлял его когда-то Бурундук, конструктивное решение и взял из архива дело о пропаже человека из дома номер тринадцать тринадцатого кооператива. Открыл фотографии, сделанные на телефон, папку с делом и разложил все это на столе. И начал то, что называется «Сравнительный анализ».

Дело о пропаже хозяина дома было заведено через три месяца после открытия дела номер тринадцать. Вот такая нумерология, которая ничего не дает. Описание комнат в двух делах совпадало, за исключением одной детали: в деле об исчезновении фигурировало только двенадцать книг. Получается, хозяин исчез вместе с одной из книг. Ну или точнее — книга исчезла вслед за хозяином.

Список оставшихся книг выглядел весьма специфичным, если не сказать — странным. Он напоминал не список литературы, а перечень того, что школьники натаскали в пункт приема макулатуры: книга «Основы хиромантии», справочник солей для химии, «Флора Южного Урала», учебник по химии за седьмой класс, «Основные принципы нумерологии», сборник рецептов Восточной кухни, руководство для

садоводов и огородников «Мой сад», «М — значит магия» Нила Геймана, Библия, «Маскарад» Терри Пратчетта, рассказы Эдгара По и «Мифы древней Японии».

Очевидно, одна книга пропала в период между сообщением о смерти хозяина и решением считать его пропавшим. Но что это за книга — по странному собранию даже предположить было невозможно. Да и важна ли эта улика?

Книга тринадцать была рукописной и представляла собой несколько сшитых тетрадей. Содержала она длинный рассказ о магии и некоторые ее принципы. И большое количество странных рецептов. Странность этих рецептов заключалась в том, что они предлагали использовать совершенно невероятные и даже нелепые в сочетании ингредиенты. Кроме того, ни в одном рецепте не было написано, что должно получиться в результате. Даже названий рецепты не имели. Зато имели строгие пропорции, по которым ингредиенты следовало отмерять с точностью до миллиграмма и даже меньше.

Книга лежала на столе в опустевшем летнем домике с открытыми настежь окнами и дверями. Однажды, когда стемнело, в дом вошла темная фигура. Фигура осмотрелась по сторонам и заинтересовалась несколькими предметами на столе. Привлекли они ее своим изяществом и кажущейся из-за этого ценностью. Фигура взяла винтажное перо и бутылек и сунула их в карман. Открытая самодельная книга тоже вы-

глядела изящно. Красивый почерк, которым она была написана, превращал обыкновенные сшитые тетради в произведение книжного искусства. Фигура прихватила и ее. Когда книга покидала дом, сад глубоко вздохнул и зашумел. Темная фигура вздрогнула и оглянулась. Прибавила шаг.

Этим воришкой был уже знакомый нам странный человек с улицы Булгакова. Он выставил украденные вещи на местной барахолке следующим же утром. Однако книгу, прежде чем продать, решил полистать сам.

Чтение оказалось увлекательным. В этой рукописи было сказано, что магия гораздо реальней, чем кажется на первый взгляд, и вместе с тем гораздо проще. Чтобы творить волшебство, верить в него совсем необязательно, а если верите, то в волшебных действиях нет никакой нужды. И все сводилось к тому, что магия создается только в тесной взаимосвязи с природой. Чем ближе к природе — тем сильнее магия. А загадочные рецепты, так старательно изложенные автором, так и манили провести «кулинарный» эксперимент.

В общем, человек решил книгу пока не продавать. Хотя магией он никогда не увлекался, любопытство подталкивало узнать, что же это за рецепты. А вдруг работают?

И вот однажды он развлечения ради набрал ингредиенты и стал готовить первый рецепт.

В то время человек переживал непростые времена. После выписки из сумасшедшего дома на работу устроиться было трудно. За время его пребывания в лечебнице пропасть меж-

ду человеком и его близкими выросла настолько, что казалась непреодолимый.

Когда его выписали, денег практически не было. Он стал воровать. То, что крал, продавал. Брал всякую мелочевку, которую находил в мусорных баках. Лазал в ветхое жилье. Через некоторое время выбрал местом своего черного промысла дачный кооператив. На удивление многое из того, что на первый взгляд кажется ненужным, покупали! Очень быстро к такому образу жизни он привык. Человеку даже нравилось, что он ни от кого не зависим. Он осознал это, когда появился шанс устроиться на нормальную, постоянную работу. В тот момент ему и стало невыносимо жалко расставаться со своей свободой.

Это удивительно, но зачастую именно жадность мешает человеку жить хорошо. Причем жадность в отношении мелочей: эгоистичные чувства, самомнение, свободный график и распорядок дня, легкость добычи небольших денег. Но в силу того, что человек на этих мелочах заостряет свое внимание, он, как правило, и не осознает, что на самом деле за этим стоит обыкновенная жадность. И именно с ней надо бы бороться.

Человек, конечно, и не думал работать над собой, хотя любил покопаться в себе и себя пожалеть — это ему тоже неосознанно нравилось. Теперь у человека появилось новое хобби: книга отвлекала его от жизненных невзгод. А когда после первого эксперимента он обрел феноменальные способно-

сти, в его больной душе зародилась жажда могущества. Так у человека появились смелые планы на жизнь — пусть они и были опасны для окружающих.

У Пестикова зацепок не было, кроме одной. Он решил найти старушку, о которой ему рассказала девочка с черными косичками. Воспользовавшись служебными полномочиями, он узнал, где живет старушка и номер ее телефона. Бабушка оказалась совсем не вредной и пригласила Пестикова для разговора на дачу.

Поселок по-прежнему был наполнен летним счастьем. Пестиков дошел до домика бабушки, поздоровавшись с ее, теперь уже знакомыми и ему, соседями. Девочка с черными косичками бегала играючи между своим и бабушкиным участками, которые разделял один заброшенный участок, похожий на поле.

— Здравствуйте, Зоя Петровна, — перешагивая через траву, сказал Пестиков.

— Да можно просто тетя Зоя, — ответила старушка. — Здравствуйте, товарищ полицейский.

— Да можно просто Петя, — как бы поддержал неприужденность общения Пестиков.

Бабушка предложила гостю чаю с вареньем, они сели за стол. И стали беседовать.

Тетя Зоя рассказывала:

— Ну а что, человек он был хороший! Приличный. По

саду сразу видно человека. Какое хозяйство — такой и человек. Мы удивлялись еще, как у него все так складно растет. А он шутил про себя, что, мол, волшебник. Настаивал, прям! Говорил, что секрет знает. Ну знаете, у каждого садовода свой секрет, стало быть, каждый тут волшебник...

Пестиков слушал, прихлупывая ароматным чаем с клубничным вареньем и мятой. Бабушка продолжала:

— Странное дело, куда он пропал... А почему вы решили со мной переговорить? У него соседка по участку — с четырнадцатого дома-то, — говорили, видела его мертвого! У ней бы чего узнать.

— Хотел я, тетя Зой, только вот она давно съехала с кооператива и город поменяла. Да и потом, в деле ее показания есть. Навряд ли она что-то могла бы добавить.

— А, ну тогда, конечно, конечно... Да уж, с этой пропажей, конечно, загадочно. Может, и впрямь волшебство какое?

— Да какое волшебство, тетя Зой. Сами ж говорите... Проблема, что родственников у деда не было и знакомых найти не удалось. Что делать? Куда делся человек?

— Да вот послушай, он как-то говорил странные вещи, что маги — они к природе-то ближе всего. Что могут в нее, как в речку, окунаться. Как это понимать, я не знаю, однако же...

— Может, он в нее окунулся и стал невидимым? — встряла в разговор девочка с косичками, внезапно показавшая, что она тоже тут и участвует в беседе.

Бабушка, оглянувшись на девочку, продолжила:

— Книгу, говорил, пишет. Про магию!

— Вот бы почитать! — сказала девочка.

— Да, интересно, — поддержал Пестиков. — Да только книга та пропала вслед за дедом.

— Да ну?! Была книга-то? — удивилась тетя Зоя.

— Вот же здорово... — замороженным голосом сказала девочка.

— Была. Дед пропал, а потом и книга, — подтвердил Пестиков. — И выходит, что это и была тринадцатая книга, про магию... Вот как я это к делу подвяжу? Такую улику.

— Три-на-ад-цатая... — протянула почти по слогам девочка. — А вы будете ее искать?!

— Может быть, в ней-то и найдется подсказка, куда мог отправиться дед, — добавила тетя Зоя.

— Ну не знаю даже, найти пропавшую тетрадку еще сложнее, чем человека, — вздохнул Пестиков.

— Но это не простая тетрадка, а книга про магию! Ее обязательно надо найти! — сказала воодушевленно девочка.

Пестиков в глубине души в магию верил, но так давно не подавал виду, что уже привык считать себя реалистом и материалистом. И еще он считал себя атеистом, но на всякий случай носил крестик. К тому же крестик был красивым.

Уходил из гостей реалист Пестиков с чувством, что потратил время зря. Шел, задумавшись, что писать о проделанной работе, но шагал при этом широко. Вдруг с ним поравнялась

бегущая вприпрыжку девочка. То обгоняя, то отставая, она спрашивала:

— А что же вы, будете искать магическую книгу? А как вы ее будете искать? А если вы ее найдете, то куда денете?

— Найти книгу невозможно. Ну как я ее могу найти? Никак!

— А дедушку?

— Дедушку будем искать.

— А как вы его будете без книги искать?

— Будем собирать улики...

— А книга — это же улика?

— Улика.

— Значит, надо ее найти!

— Слушай. — Пестиков прервал поток девочкиных вопросов. — Найти книгу я не смогу. Это невозможно. А делом займусь. Если понадобится, я еще к вам загляну, — сказал он напоследок и ушел.

Девочку с черными косичками звали Соней. Соня так заинтересовалась этой загадочной книгой, что не спала всю ночь. Она все думала, а что будет, если эта книга попадет в руки кому-нибудь плохому? Сколько бед он натворит! Кроме того, она никогда не видела настоящих магических книг. И очень уж ей хотелось такую хотя бы в руках подержать. Она бы многое отдала ради такой возможности. Могла бы даже целый год не есть чипсы. Или сладкое. В общем, ей очень

была нужна эта книга. Такое ее охватило любопытство, что утром после завтрака Соня взяла свой фонарик и со всего разбега перепрыгнула через дорогу. Потом по тропинке, которую несколько дней назад проделал Пестиков, пролезла в дом волшебника.

Дети способны замечать то, чего не видят взрослые. Можно сказать, что у детей есть своего рода способности к волшебству. Но не у всех. Соня где-то читала об этом, и сама мысль ее вдохновляла. Она верила, что найдет в заброшенном доме что-то, что поможет ей в поисках. А может быть, она найдет и саму книгу! Может быть, книгу просто не заметили когда-то, и она лежит и ждет, когда же ее найдут. Да, именно ждет! Ведь у магических книг — в этом Соня тоже не сомневалась — есть своя воля и душа. В общем, у девочки были все шансы на успех!

В доме властвовала темнота, и Соня подумала про бомжей. Вообще, по жилищам бомжей трудно понять, обитаемы они или нет. Между теми и другими мало различий. В общем, было страшно. Соня осторожно, стараясь ни к чему не прикасаться, стала осматриваться. Свет фонарика подсказывал, что мусора тут больше, чем кажется. Но мебель была в порядке — кроме порванного дивана, из которого торчали пружины. Соня старалась думать, где может прятаться нужная книга, но ни одной не замечала. Только на полу валялся рваный и старый учебник по химии. Соня уже отчаялась что-то найти, когда ее взгляд упал на пустой шкаф. Прямо

на уровне глаз Соня увидела в нем небольшую щель, образованную двумя близко расположенными полками. В глубине щели, под светом фонарика, мелькнул блокнот. Соня просунула свою маленькую ручку и, пальцами зацепив пружину блокнота, вытянула его из пыльного плена.

Блокнот был подписан: «Дорогому Степану Анатольевичу от товарища по призванию Демитрия Павловича, с глубочайшим уважением и на добрую память!» Кажется, выяснилось имя хозяина старой дачи, подумала Соня и перелистнула страничку. Блокнот был исписан, по всей видимости, заметками. Например, была такая запись: «Медный купорос — 500 грамм». Рядом могла соседствовать запись вроде: «Человек рожден, чтобы прожить интересную жизнь». Или: «Посмотреть стр. 28. Отмечено карандашом».

Соня продолжала листать. Среди записей начали встречаться рисунки, похожие на схемы и формулы. И вдруг Соня увидела надпись, выведенную особенно старательно: «Для книги: "А если дважды 13 войдет в 13 в свете зеленого дыма, там воплотится в реальность та пакость, что злу необходима"».

Загадочная запись напоминала пророчество и скрывалась не только в блокноте. Слово в слово она была записана в книгу, которую хранил странный человек, и, кажется, он не знал, что это значит. Впрочем, в книге и другие записи были непонятны, конечно, и человек воспроизводил все написанное просто экспериментально, наблюдая, что в итоге полу-

чается. И не замечал, что с каждым новым опытом сам приобретает все более зловещие черты.

Петя Пестиков — звучит не только не зловеще, но даже смешно. Он потому и пошел в полицию, чтобы над ним не смеялись. Со школы его дразнили, с тех пор как на биологии прошли тему о пестиках и тычинках. Сам он считал — и так ему больше нравилось, — что его фамилия напоминает о пистолетах, но после знакомства с ботаникой об этом никто не вспоминал. «Полицейский Пестиков» звучало хоть немного серьезно. Хотя и продолжало вызывать улыбки. Да и характер у Пети был не слишком боевой.

Вот и сегодня Петя старался сидеть в своем кабинете тихо, пока не придумает, что делать. Так он просидел до обеда. После обеда в кабинет постучали. Петя вздрогнул, но открыл: за дверью стоял дежурный.

— Петь, тут к тебе девочка какая-то просится. Я ее пустить не могу. Сам выйди, что ли. Кто она тебе?

— Не знаю... Что за девочка?

Пестиков вышел к приемной, а в холле стояла Соня. Соня рассказала Пете про блокнот и показала его. Петя уговорил дежурного, и Соню впустили в отделение, в его кабинет.

— Давай посмотрим, что тут еще есть... — сказал Петя, листая блокнот.

На свету блокнот выглядел необычно. Отливал разными цветами, как спинка жука. На форзацах круглая схема отоб-

ражала лунные и солнечные циклы. Что-то было отмечено прямо на них красной ручкой. Пестиков усмехнулся:

— Хех, и точно, магические какие-то записи тут. Ну и что? Куда делся дед?

Соня сказала:

— Тут написано вот что: «А если дважды 13 войдет в 13 в свете зеленого дыма, там воплотится в реальность та пакость, что злу необходима». Если это правда, то важнее найти книгу, потому что если она попала в плохие руки, то будет большая беда.

Соня была в это мгновение рассудительна не по годам. Петя на нее засмотрелся с изумлением, потом, подумав, добавил:

— Знаешь, не так давно мне бросалась уже в глаза цифра «13». Ее нельзя было не заметить. Я еще подумал: почему все такое тринадцатое? Тринадцатая книга находится в тринадцатом доме... А тут еще в один тринадцатый дом вызывали.

— Так вот! Может, не случайно цифры на себя внимание обращают? Может, там тринадцать и вошло в тринадцать! — воскликнула Соня, прикрыв руками лицо.

— Надо проверить эту версию! — добавил Пестиков. Версия была слабовата, но других не предвиделось, и они отправились по интригующему адресу.

Пестиков даже не спросил, как Соня нашла его и почему оказалась одна в полицейском участке через два с лишним

района от дачного поселка, в котором она жила с родителями. Забыл он не только побеспокоиться о ребенке, но и о своей нерешительности. Так его подстегнула инициативность и смелость маленькой девочки, что он крайне забеспокоился, как это он полицейский, а ребенку в решимости уступает. И вот, чтобы Соня не подумала о нем плохо, он побежал быстро навстречу развязке этой истории.

Над городом по-прежнему висели тучи. Чем ближе сыщики подходили к улице Булгакова, тем темнее становилось. Теперь погода казалась не только хмурой, но и зловещей. Ведь дело теперь отдавало магией.

Вокруг тринадцатого дома на улице Булгакова было темно. Прямо над домом тучи кружились по спирали. Ветер тянул и гнул верхушки растущих вокруг тополей. Из окна на втором этаже вспышками мигал зеленоватый свет.

В шестой квартире на втором этаже человек с безумным видом варил странную жидкость на электрической плитке. Он вливал в кастрюльку зеленую газировку, газ выходил из кипящей жижи с большими и маленьким пузырьками. Воздух наполняло зловонье, и все вокруг начинало тянуться вверх вместе с пузырьками из кастрюльки. Сама кастрюлька воспаряла над распаленной плиткой, а плитка над тумбочкой. Так что приходилось все это ловить и ставить на место. Помешивая жижу алюминиевой ложкой, удавалось успокоить кипение, и уменьшалась при этом и общая невесомость. Но стоило добавить газировки в кастрюльку, хоть каплю —

комната снова начинала кипеть, и все воспаряло. Так, то помешивая, то подливая волшебства, то взлетая, то возвращаясь на пол, человек продолжал варить свою магию, ожидая еще более внушительного эффекта.

Петя и Соня подошли к двери в подозрительную квартиру и услышали за ней страшный хлопок, словно что-то взорвалось. Дверь от хлопка отворилась, и они вошли. В комнате на полу лежал человек, на упавшей гардине сидела крыса, посреди комнаты валялась залитая зеленой жижей плитка и шипела пригоревшей на ней жижей. Рядом крутилась кастрюлька.

Человек поднялся, держась за голову, и произнес:

— Интересно, это так и должно быть?

В ответ прозвучал крысиный писк.

Петя и Соня, еще не совсем понявшие, что происходит, замерли и смотрели на все происходящее.

Человек встал на ноги и, шаркая и пошатываясь, подошел к какой-то куче барахла и достал тетрадку.

Он зачитал:

— Рецепт тринадцать. Расширение обители. Нарисовать на полу круг размером в шесть футов с заклинанием по борту... Ага... Ага... И после этого... Так я все сделал как надо! Я что теперь, смогу творить магию вне дома? — обрадовался человек.

— Пи-пи-пи, — ответила крыса.

Человек злобно прищурил глаза.

Соня шепнула Пете:

— Наверно, у него в руках и есть магическая книга?

— Не знаю, выглядит как-то скромно. Надо разобраться!

Пестиков шагнул вперед со словами:

— Эй, уважаемый! Что это вы тут делаете? Что у вас за бардак?

Человек посмотрел на гостей.

— Стойте! Вам нельзя заходить в обитель!

— В какую обитель? Ты чего?

— Стойте! Заклинаю!

— Эй, мужик, по-моему, ты... Давай поговорим.

Человек взмахнул рукой с алюминиевой ложкой и направил ее на Пестикова.

— Ты, человек, не понимаешь, кто я. Я — маг! Величайший!

— Величайший? С чего ты взял, что величайший?

— Я дошел до тринадцатого рецепта в волшебной книге и теперь могу творить магию даже за пределом обители. Я могу влиять на все, что пожелаю! Моей обителью теперь станет целый город!

— И как ты собираешься влиять? Весь город в такой бардак превратишь?

— Ты глупец, это не бардак! Это лишь побочный эффект великих преобразований. Все лучшее во мне магическим образом было умножено в тысячу раз.

— Лучшее, говоришь? Что ж оно так воняет?

Человек махнул ложкой, и Пестикова сдуло через открытую дверь из квартиры. Он со свистом пролетел мимо Сони. Это уже было не смешно. Соня выбежала за ним и попыталась помочь Пете перевернуться с головы на ноги и встать. В дверной проем вышел помрачневший маг с ложкой в руках, в ногах у него извивалась крыса с черным пятнышком.

— Вы еще не осознали, кто перед вами?

Этажом ниже открылась дверь. Из квартиры вышла Тамара Игоревна в домашнем халате и тапочках. Ворча, буквально бубня вполголоса какие-то ругательства, она стала подниматься по лестнице. Пройдя один пролет, она увидела на лестничной клетке второго этажа стоящего соседа с ложкой в руках, в трико и растянутой тельняшке. И завопила:

— Ну сколько можно! Как с тобой, проклятый, разговаривать? Я сейчас полицию вызову! Они тебе объяснят, что делать!

Она достала телефон из кармана халата, а человек сжал ложку покрепче.

Из-за перил выглянул Петя со словами:

— Все в порядке, полиция уже здесь!

Тамара Игоревна аж пошатнулась.

— О, вот и разберитесь с этим ненормальным, видите, что происходит! А я уже сколько времени говорю!

— Видим! Разберемся! Идите пока к себе.

— А вот, давайте, только не надо мне указывать, что мне делать! Вы вот разберитесь сначала!

Петя встал на ноги. Человек махнул ложкой на Тамару Игоревну. Тамара Игоревна превратилась в жабу. Петя икнул от удивления. Жаба квакнула. «Вжу-у-ух», — послышалось от ложки, летящей на Петю. Петя вцепился в руку, держащую ложку, и повис на ней. Человек смахнул Петю вниз. Петя резко кувыркнулся по лестнице и остановился рядом с жабой. Человек медленно стал спускаться к ним.

Тем временем Соня за спиной человека проскочила в квартиру. Она вбежала, схватила магическую книгу и стала смотреть, вдруг книга подскажет, что делать.

Озлобленный маг начал спускаться, приближаясь к Пете и жабе. Он заговорил:

— Ну что, кто тут вонючий и противный сосед?! Я так долго терпел ваши едкие претензии. Я лелеял в себе хорошее отношение к вам — для чего? Чтобы продолжать выслушивать ваши оскорбления! Что вы молчите?! — вскрикнул он. Потом осекся: — Ах да!

Он махнул на жабу ложкой. Голова жабы стала человеческой. Тамара Игоревна заговорила:

— Да ты что, какое хорошее отношение ты лелеял? В жизни доброго слова от тебя не слышали!

— Я молчал, чтобы вас не обидеть! Разве этого недостаточно?

— Ну, вообще-то, недостаточно, — подтвердил Петя.

А маг продолжил:

— Теперь все равно, я больше не намерен искать compro-

миссов. Я переполнен злобой и обидой. Я переполнен силой! И теперь, когда я так силен, я восстанавливаю справедливость и накажу всех...

— Кого всех?

— Всех накажу! Я могу использовать силу как пожелаю!

Вдруг раздался голос:

— Не можешь!

И в окно брызнул яркий белый свет. Человека отбросило назад. В подъезде появился старец. Похожий на настоящего волшебника из сказки, он произнес:

— Большую силу нельзя использовать так, как пожелаешь! Ты слишком заигрался, человек! Книга попала к тебе нечестным путем, ты пользовался ей не по праву. И не знаешь всей ответственности.

— Это еще кто такой? — спросила Тамара Игоревна.

— Я Белый Волшебник, действительный волшебник Земли.

— Хотя бы понятно, почему вы так выглядите...

— О, Степан Анатольевич? Это вы? Мы же вас ищем! — обрадовался было Петя.

— Степан Анатольевич был моим учеником. Он достиг высокого уровня и закончил книгу, написанную мной. А этот вор забрал ее у него! Она была написана, чтобы цвела жизнь, а он превратил все в безумное колдовство. Но хватит.

Старец поднял руку вверх. Подъезд наполнился ветром. И ветер прогнал неприятные запахи, сдул, как дым, странного

человека, снес жабий обличай с Тамары Игоревны. Захлопнув дверь в квартиру номер шесть. Закрывшись, дверь явила Соню, обнявшую магическую книгу. Петя встал на ноги и отряхнулся. Все посмотрели друг на друга.

— Что ж это происходит?

— Мы уже давно пытались найти книгу, — заговорил волшебник, — но только теперь смогли, когда он выдал себя. Поначалу его магия была слаба, и обнаружить квартиру, где она действовала, было невозможно. Но сегодня он приготовил такой рецепт, который вывел его из обители, и все стало очевидно.

Тамара Игоревна недоумевала. Петя тоже стоял в изумлении. Все происходящее казалось нереальным, как сон. Только Соня, кажется, верила в то, что случилось. Она спросила:

— Значит, теперь все будет хорошо. Вы заберете книгу?

Сонино самообладание снова включило самообладание в Пете, и он спросил:

— Так вы, выходит, знаете, где сейчас Степан Анатольевич? Он пропал, и мы ищем его уже много лет!

— Степан Анатольевич никуда не пропал. Он по-прежнему находится в своем любимом саду, — ответил волшебник.

— Кажется, я поняла, — сказала Соня. — Он все-таки окунулся в свой сад.

— Но сад в таком ужасном состоянии, — припомнил Петя. — Не похоже, что в нем кто-то живет.

— Очень трудно ухаживать за садом без руководства. А

особенному саду нужно особенное руководство.

Соня посмотрела на книгу.

— Значит, его нужно вернуть!

— Какая смышленная девочка! — сказал волшебник, улыбнувшись. — Этот сад многому научит тебя. Возможно, ты станешь замечательной волшебницей, когда вырастешь!

И с этими словами волшебник вознесся и исчез.

— Рассказать — никто не поверит! — сказал Петя. — Колдуны, волшебники...

— Так, ну я надеюсь, они испарились? Меня больше сверху заливать не будут никакие колдуны? — спросила Тамара Игоревна.

— Если будут шуметь, то вы звоните в наше отделение полиции, и сообщайте: мол, так и так, сосед колдует, жить не дает!

— А если он меня топить будет?

— А если топить, то это в ЖКХ.

Книгу они вернули в сад. И он расцвел. Соня в нем стала играть. Чужих дом больше не впускал. А вот для девочки со временем открылось много интересного. Например, стало ясно, что самое большое волшебство во всей этой истории — то, которое кажется самым простым: цветущий сад и то, что Соня нашла блокнот, пролежавший много лет на полке. И что именно через тринадцать лет тринадцатого числа, в понедельник, в отделение полиции нагрянула проверка.

А Петя так и не придумал, что писать в дело, и решил

оставить его нераскрытым. Хотя и получил выговор от начальства. Так что волшебник Степан Анатольевич официально и по сей день считается пропавшим без вести. А волшебником он официально не считается.

Глава II. Союз волшебников и пропавшее чудо

Все официальные источники умолчали об этой истории. Они молчали о подобном и раньше. Вообще, если бы колдун не рассказал о себе, то и о происшествии в доме тринадцать никто бы не узнал. А со странным человеком потихонечку все равно разобрались бы, даже без Пети и Сони. Но вышло как вышло. И теперь получилось так, что Соня стала посвященной во многие магические тайны.

Теперь, часто бывая в Саду, она читала книгу, написанную соседом, и всерьез задумывалась, что станет волшебницей, когда вырастет.

Соня не только общалась с прекрасным Садам, но и встречала гостей, которые были для него своими людьми. Они навещали Сад и рассказывали его новой хранительнице разные новости — так Соня все больше узнавала о магии и училась разным премудростям этого дела. Для нее все больше открывался мир волшебства.

Оказалось, что волшебников и волшебниц очень много, но занимаются они магией втайне от людей. Каждый маг проходит свой собственный путь в волшебстве. Однако они общаются между собой, и даже существуют тайные сообщества волшебников, которые иногда устраивают встречи, где маги

представляют свои новые магические штуки. Этакие выставки волшебства. Лучшие магические создания отмечаются и награждаются колдунами постарше.

Однажды в Сад заглянула одна старушка, звали ее Люся Ивановна. Ее волшебство было особенным: она могла взять разные осколки предметов и создать из них абсолютно новый. Звучит просто, но на примере Люся Ивановна взяла пару лопухов, бочонок, несколько трубок и сделала слоненка. Вполне живого! Сейчас этот слоненок уже давно вырос и живет в зоопарке. Соня ходила в тот зоопарк вместе с Люсей Ивановной и видела его: он уже взрослый, у него даже появились слонята.

Люся Ивановна водила Соню и на выставки волшебства. И вот на одной такой выставке случилась история: каким-то образом пропало некое чудо.

Что это за чудо, сказать было сложно, поэтому дело и оказалось запутанным. Даже опытные волшебники не знали, чем помочь. В полицию по таким вопросам не обратишься, хотя помощь опытного сыщика пришлась бы кстати. Вот Соня и предложила обратиться с этим вопросом к Петру Пестикову: человек он был свой, и ему можно было доверять.

Пестиков все еще оставался младшим лейтенантом, которого опытным сыщиком вряд ли можно было назвать. После того случая в доме на улице Булгакова прошло достаточно много времени, но особенных каких-то дел не перепало. На Петю валилась всякого рода рутина. Рутину... и нераскры-

ваемые дела.

Он сидел за горой бумажной работы, когда услышал звук пришедшего сообщения. Взял телефон в руку и прочел сообщение от Сони: «Привет, Петя! Есть дело, надо поговорить!»

Петя не мог отказать Соне, и они договорились о встрече.

— Ну, что у тебя случилось?

— У меня все отлично! — сказала Соня. — Но дело очень непростое. Не знаю, с чего начать... Вот, кстати, познакомься! — Рядом с Соней стояла пожилая женщина. — Это тетя Люся!

— Здравствуйте, а я — Петя.

— Я поняла, — сказала Люся Ивановна. — Сонечка о вас рассказывала, вы очень храбро расследовали дело о магической книге!

Петя смущенно заулыбался.

— Тетя Люся — настоящая волшебница! Она даже в Союзе волшебников состоит! — добавила Соня.

— Не знал, что у волшебников есть союз. У нас вот профсоюз есть... У вас что-то вроде этого? — удивился Петя.

— Наш союз — он скорее творческий. Так вот, я бы хотела поговорить о том деле.

— А, ну... Что сказать... Я старался! Дело было непростое.

— Вот! Дело, которое нас привело к вам, тоже «непростое», — подчеркнула тетя Люся.

— И что же это за дело? Еще одна магическая книга про-

пала?

— Хуже! Пропало целое чудо! У одного волшебника. Ему нужно помочь! Ведь волшебник без чудес — какой же он волшебник? Чудеса для волшебника очень много значат, знаете ли.

— А я тут как могу помочь?

— Видите ли, дело, как я говорила уже, непростое! Мы не можем обратиться к вам официально. Но квалифицированная помощь нам очень нужна. А вы человек в раскрытии преступлений опытный. Сталкивались с магией и имели опыт о таком деле не распространяться... То есть понимаете специфику этой сферы. Так что лучшего специалиста нам и не найти! Вы уж не откажите!

У Пети мелькнуло ощущение, что ему предлагают что-то запретное, даже как будто постыдное для честного полицейского, поэтому он слушал, задрав брови кверху. Потом ответил:

— Чудо, волшебник... А что это за чудо у него пропало?

— Лучше, конечно, вам поговорить с ним лично. Сейчас... — Тетя Люся достала мобильник, набрала номер: — Федор Михалыч! Да, добрый. Мы как раз вот говорили... В манеже? Ага. До встречи, Федор Михайлович! — Тетя Люся отключила телефон. — Ну что, друзья. Договорились встретиться в манеже через три минуты. Заодно, Петр, осмотрите место преступления!

— Но как мы успеем за три минуты? Манеж в другой ча-

сти города.

— Хо-хо! Мы же с вами кто? И потом, это совсем другой манеж. Там сейчас готовится прекрасный вернисаж!

С этими словами тетя Люся шагнула за тоненькое дерево и пропала из виду. Петя удивился, Соня, глядя на изумление Пети, заулыбалась. И сказала:

— Пойдем, пойдем!

За деревом на асфальте был нарисован круг с символами в центре и по краю этой окружности. Соня затолкала Петю в центр, что-то шепнула. Символы стали черными, потом светлыми, потом снова нарисованными мелом. Петя удивленно смотрел на это, потом поднял глаза и ахнул снова. Они с Соней были уже не в парке, а в каком-то светлом зале. В пяти шагах тетя Люся разговаривала с каким-то человеком. Человек был седой и с небольшой бородкой, в очках с толстой желтой оправой, в черных классических брюках и остроносых фиолетовых ботинках. На нем был желтый распахнутый пиджак, из которого торчал большой, круглый живот, обтянутый черной водолазкой, прикрывающей также шею. Петя и Соня подошли к ним.

— Вот этот товарищ — полицейский Петр. Он нам поможет.

— Федор Михалыч, — представился человек, одетый необычно пестро для своего возраста. Или, как он сам считал, — «креативно».

— Петр. — Петя пожал руку волшебнику.

— Ну-с, с чего начать?

— Давайте по порядку! Что у вас пропало?

— Пропало мое чудо. Я приготовил его специально для этого вернисажа. Понимаете? Я трудился над ним около пяти лет, и оно должно было произвести фурор! Однако сегодня утром, при обходе выставки, было обнаружено, что его нет! И, конечно, никто ничего не видел!

— Я понимаю, как вы расстроены, но чтобы лучше понять, что искать, хотелось бы поподробнее узнать о вашем чуде.

— Расстроен я не то слово как! Но помилуйте! Проблема не в том, что искать, проблема в том, где искать? Это же чудо!

— Подождите. — Петя почесал голову. — Чтобы искать, мне нужно ясно представлять всю картину происшествия.

— Ох, ну тогда пойдемте.

Все вместе они прошли по коридору и остановились у невысокого подиума.

— Вот. Оно было здесь. Но сейчас его нет!

— Но чего здесь нет?

— Здесь нет ничего! Дорогая Люся, ваш сыщик точно достаточно квалифицированный специалист?

— Несомненно, Федор Михайлович! Петр намекает, что было бы нелишним описать пропажу.

— Вот, было бы нелишним, — подтвердил Петя.

— Нужно составить фоторобот! — деловито и весело до-

бавила Соня.

Федор Михалыч задумался...

— Может быть, у вас есть фотография? — спросил Петя.

— Фотографировать волшебство строго запрещено. Да и невозможно это. Если вы хоть немного разбираетесь в магии...

— Ну, тогда хотя бы опишите его.

— Оно... было чудесно, — вздохнул Федор Михалыч и заплакал.

— Похоже, от Федора Михалыча мы ничего не добьемся.

«Что же это за чудо такое, когда тут волшебник — сам чудаков. Ну а с другой стороны, кто бы мог такими вещами заниматься?» — подумал Петя.

Тетя Люся как будто прочитала эти мысли в его глазах и сказала:

— Федор Михайлович — очень опытный волшебник. Большой мастер своего дела. И с волшебством разных видов работает. Недаром ему дали звание магистра!

— Звание? У волшебников и звания есть? Ну я помню, что в сказках писали про высших магов и темных, — в этом смысле, что ли? — спросил Петя.

— Ну... почти. Сказки это одно, а в жизни все, конечно, по-другому. Но примерно так. Магистр — это не высший волшебник и не заслуженный, но и, конечно, не маг. Чтобы магистра получить, нужно доказать своими делами, что ты достоин. Федор Михайлович, он специализируется в Вол-

шебстве Пределов. Волшебство это очень изящное. С пространством, знаете ли, дело нужно иметь. Может, потому и грустно Федору Михайловичу, что чудо его пределов за свои пределы вышло. Это вроде как даже оскорбительно.

— Ну вот еще, — недоумевая вздохнул Петя. — Мало того что непонятно, что ищем, так оно теперь еще и запредельное — это уж совсем бессмыслица.

— Да нет же, не чудо запредельное, вы неправильно поняли. Это чудо, оно как бы, наоборот, — имеет форму и существует в пределах чего-то.

— Не думаю, что стало понятнее.

— А я думаю, что надежды нет, — вступил в разговор Федор Михайлович. — Нам поможет теперь разве что чудо!

Петя, Соня и тетя Люся вышли из здания манежа на улицу. Летнее солнышко грело. Лето выглядело очень радостным. На его фоне Петя и его подруги-волшебницы выглядели удрученно.

— Картину преступления нарисовать не удалось, вернее даже удалось, но какая-то она очень уж абстрактная, — сказал Петя.

— Ну а что? Абстрактная картина, она ведь тоже — картина! — ответила, улыбнувшись, тетя Люся.

— И что теперь делать с этой абстрактной картиной? Неважно, говорит, что искать, важно — где.

— Так это же действительно так. Понимаете, чудом может быть что угодно, все зависит от того, где оно находится.

— Может, философски оно, конечно, и так, но дело это только усложняет.

Надо было все обдумать. Вдруг тетя Люся сообщила, что у нее остались неотложные дела, попрощалась и ушла в сторону остановки.

Петя и Соня тоже потихонечку пошли куда глаза глядят.

— А ты здорово подросла, — заметил Петя.

— Это да, — подтвердила Соня, пожимая плечами.

— Значит, ты тоже теперь волшебница?

— Я — не-ет. Чтобы назвать себя волшебницей — это я еще не могу. Я пока учусь. Но надеюсь, что стану! Очень мне нравятся чудеса и волшебство!

— А что имели в виду волшебники? Что значат эти пределы?

— Ну это волшебство такое. Есть разные виды волшебства. Как бы это объяснить... Вот, например, животворящее волшебство есть, а есть еще предметное. И пределы.

— Как-то все сложно. А что оно означает? Как они выглядят?

— Ну животворящее, оно... Это когда волшебник может что-то живое создать! Или, скорее даже, не создать, а как бы создать. Сделать так, чтобы живое стало лучше!

— Типа вылечить от болезни, что ли?

— Да! И это тоже, вообще много чего еще! Мне трудно все объяснить.

— Ладно, а то другое, как ты сказала, называется?

— Предметное волшебство? Предметное — оно как бы предметы всякие создает! Ну и учит! Чтобы предмет создать, нужно хорошо знать, как он устроен!

— Ясно... А пределы тогда как понимать?

— Пределы — это пространство. С его помощью можно и перемещаться, и увеличивать, и уменьшать, и крутить, и с разных сторон смотреть.

— Значит, наша пропажа — это что-то, что можно крутить?

— Наверно!

— Значит, ты тоже не поняла, что это за чудо?

— Не совсем. Я и эту работу не видела. Я же магией недавно занимаюсь, да и мала еще, не все знаю пока.

— С кем бы нам тогда еще посоветоваться?

— Волшебников много, я одного знаю, с кем поговорить можно. Его зовут Гур. Иван Николаевич.

— А Гур — это что, фамилия такая?

— Ну да! Необычная. Но у волшебников все необычное. Он живет в доме на горе. Там творит свои чудеса. Он, кстати, волшебник животворящий как раз. Можем к нему сходить. Он гостей любит!

Гур действительно был человек общительный, но чтобы к нему в гости прийти, нужно было заранее договориться. Соню он знал уже хорошо, поэтому сразу назначил встречу. Через три дня, сказал, будет ждать у себя, потому что число три у волшебников — любимое. Все у них на раз-два-три

делается!

— Заходите, дорогие, — приветливо пригласил в свою комнату Иван Николаевич Соню и Петю. — Сейчас кипяточку поставим, чаю попьем.

Соня и Петя загляделись разными интересными штуками, стоящими в комнате. Она представляла собой что-то вроде мастерской или даже лаборатории. У окна стоял большой стол с разными инструментами, баночками, коробочками. У стола притулился старый потрепанный стул. Вообще, все в мастерской имело пошарпанный вид. По вещам было видно, что их возраст чуть-чуть уступает возрасту хозяина. А Иван Николаевич выглядел человеком пожилым. Сам он был одет в теплую телогрейку, подвязанную шнурком, и старые поношенные штаны. На ногах у него были изрядно пошарпанные тапочки. Пол, по которому он ходил, был тоже пошарпанным. Все было пошарпанным, кроме цветов, украшавших подоконники и стол. А еще повсюду висели красивые, новенькие рамы. Некоторые были пустыми. Парочка рам занятно украшала оконные проемы, а некоторые были накрыты тканями. Несколько штук блестели на столе.

— О чем пришли поговорить? — спросил Гур.

— О волшебстве, в общем-то... — сказал Петя.

— О, это сколько угодно. О волшебстве разговаривать я люблю. А я уж подумал, по вашей форме, что вы про Федора Михайловича поговорить захотите...

— И это тоже, на самом деле, — заулыбался Петя.

— Ну про это дело я что вам могу сказать. Меня там не было. Кто его знает, кому это чудо могло понадобиться.

— А какое оно, по вашему мнению? Оно, по-вашему, недостаточно хорошо?

— Я не это имел в виду. Федор Михайлович — волшебник хороший, профессионал! Просто мы не на том уровне работаем, чтобы наши чудеса воровать кому-то было выгодно. Как-то у нас не заведено... А так — да чего в жизни только не бывает.

— Это точно!

Соня спросила:

— А вы, Иван Николаевич, сейчас над чем работаете?

— Волшебник всегда над чем-то работает. Вот, что видите, все потихонечку и делаю. Оно так не получается, чтоб одним чем-то заниматься. То там поколдуешь, то сям подшаманишь. Так и двигаешься. Разных новых зелий набрал, с ними вожусь.

— Зелий? А что за зелья? Новые? — живо заинтересовалась Соня. — Покажете?

Гур подвел ребят к столу.

— Ну вот, смотрите.

Он показал несколько туб с прозрачными и цветными жидкостями. И кисти.

— Рисуете? — предположил Петя.

Гур на это добро похихикал и ответил:

— Ну, вроде того. — Он взял в руки кисть. — Кисть, она

чем хороша? Оно славно жидкость берет и держит.

Он макнул кисть в какую-то баночку с розовой краской. Вытащили, держа ее строго вертикально, слегка потрянул от лишней влаги и так же вертикально погрузил в другую баночку — зеленого цвета, и проделал все то же самое с еще одной баночкой — синего цвета. Потом перенес кисть и стал держать над столом, поворачивая вокруг своей оси. На кончике кисти стала расти капля. Кстати, капля получалась очень красивая, в сине-зеленую полосочку с розовой середкой. Гур быстро подложил под кисть вырезанный из картона кружочек. И в этот момент капля под собственной тяжестью сорвалась с кисти и упала в центр кружочка. От удара она булькнула и брызнула в разные стороны и вверх. И эти брызги, разлетаясь, стали похожими на листочки и стебли, да в таком виде и остались — кто на что был похож. И обернулась капля цветком с красивым розовым бутоном.

Иван Николаевич аккуратно положил кружочек в пустой цветочный горшок и поставил его на окно к другим цветам.

— Невероятно! — сказал Петя. Потом перевел взгляд на другие цветы. Их в мастерской было множество. В горшках и в вазах.

— Так это что же? Все цветы — это не просто... Это ваших рук дело?

— Кое-какие из дома принес. А вот тот подарили. Этот вот Людмила Ивановна из своей мастерской принесла.

Петя смотрел на все изумленными глазами, как будто пы-

таясь отличить, что волшебное, а что настоящее. Но настоящим выглядело все. И все теперь казалось волшебным.

— Чайник вскипел, пойдемте за стол.

Они сели. Иван Николаевич вел себя так, словно ничего особенного не произошло. Достал молоко со словами: «Это, если кто любит». Варенье, печенье. Он учтиво расставил чашечки и кружечки, налил в них воды. Вспомнил, что у него еще и кофе есть, и достал из шкафчика баночку и тоже поставил на стол. Берите, дескать, кто что хочет. И тогда уже тоже присоединился к пиршеству.

— А у вас, Иван Николаевич, тоже звание какое-то есть?
— завел разговор Петя.

— Ну как тут сказать. Так, чтоб по правде, но не хвастаться. В Союзе волшебников состою с 1884-го года. Награды есть, но так чтобы особых... особых, наверное, нет. Бог их знает. Выставляюсь регулярно. Я со своим волшебством на союзных выставках выступал, и на всесоюзной выставке не раз бывал, и на международных. В книгах по магии и волшебству можно мои вещи найти.

— Подождите, вот сразу много вопросов возникает. Вы уж простите...

— Ну, раз возникают, задавайте, это ничего, это хорошо даже, что возникают.

— Это, если вы в союзе с 1884-го года, то вам сколько же лет? Извините за нескромность, может быть.

— Вопрос нормальный, я же не дама, это дам о возрасте

спрашивать не положено. А так ничего. Но у нас, волшебников, годы немного по-другому считаются. Вот до ста тридцати пяти лет ты еще молодой. Но мы же среди людей живем, не только волшебников, поэтому возраст не выказываем. По официальным меркам мне семьдесят восемь.

— Понятно... — протянул Петя. — А союзные выставки это, получается, в СССР волшебники были, и до революции тоже?

— Были, конечно! Да еще какие! Вообще, наша школа очень сильная! Только немножко уточню, вроде как тут надо. Союзными мы наши выставки называем, где наш союз представляется. А всесоюзные — это выставки совместные с другими союзами. Где все союзы волшебников представляют лучших волшебников своего сообщества.

— А союз не один?

— Их сейчас много стало.

— А вы в каком? Или вы в не одном?

— Я в Союзе волшебников России, если хотите. Только в нем. А вообще, да — есть и в несколько союзов вступают. Но я это... не очень к этому отношусь. Может, не дорос еще, но для себя не вижу смысла. Наш союз достаточно почетный, с историей. Чтобы в него попасть, нужно было большой отбор пройти. Не так просто это все. Заслужить надо. Этого вполне достаточно, чтобы чувствовать, что ты не просто так, а из себя что-то представляешь. В другие, может, тоже интересно вступать, может, выгодно, не знаю. Мне вроде как оно и не

надо.

— Иван Николаевич — очень сильный животворящий волшебник, у него не только цветы, он целые миры создает, — сказала Соня.

— Ну, мир свой я пока не создал, мирки, в основном, небольшие, — скромно поправил Соню Иван Николаевич. — Мир создать — это мечта каждого волшебника. Но мир получается только тогда, когда много всего сделано. Масса волшебства... Тогда каждое становится дверцей, приоткрывающей вход и представляющей одну из частей этого мира. И так частичка за частичкой формируется целый мир. Чем больше таких частей, тем больше сам мир. Да что там мир! Есть волшебники, создавшие целые вселенные!

— И что же, в эти миры можно попасть? В смысле, они реальные? — заинтересовался Петя.

— Можно! — сказал Иван Николаевич.

— Невероятно звучит.

Гур встал и подошел к стене. У стены стоял какой-то квадратный предмет, прикрытый широкой тканью. Гур сорвал эту ткань, и под ней оказалась рама. А в раме картина. Картина была большая, чуть выше Ивана Николаевича, потому как стояла на двух невысоких табуреточках. Рама тоже была мощная, с резным узором. Картина изображала лес, и выглядел он очень реалистично. Настолько, что, казалось, в него можно войти, переступив через раму. Гур прямо так и сказал:

— Вот, входите!

Петя и Соня смотрели на картину с изумлением.

— Смотри, — сказала Соня. — Там что-то пролетело!

— Сорока... — подтвердил Петя, не веря глазам своим.

— Да, они там часто летают, прижились как-то, — сказал, улыбнувшись, Иван Николаевич.

Петя подошел к картине поближе. Взялся рукой за раму, наклонился к полотну и погрузился прямо в картину. Его голова и плечи оказались в лесу. Громче пели птицы, шелестела листва, и Петя даже почувствовал свежий запах зелени. Но переступить раму он не осмелился, вынырнул обратно.

— Подумать только! Это просто невероятно.

Потом они вернулись за стол, немного потеряв дар речи и даже забыв, зачем они пришли к Гуру. Некоторое время они молча пили чай, потом попытались собраться с мыслями. Когда сознание, наконец, вернулось, Петя сказал:

— А вот Федор Михайлович, он что делает? Что-то подобное?

— Федя в свое время пределами увлекся. Если ученым языком говорить, то это волшебство пространственное. Пространство можно исказить, преобразовывать, его можно пронзить. А можно наполнить. И вот волшебство пределов все это позволяет воплощать.

— А можно при помощи магии узнать, куда пропало его произведение?

— Ну, во-первых, должен пояснить, что магией мы не за-

нимаемся.

— Ну а как же?

— Понимаете, волшебство и магия — это вещи разные, хотя общее между ними есть. Это для человека неискушенного может показаться, что разницы никакой. Однако она большая. Волшебник стремится к познанию природы, он ей как добрый помощник, приумножает ее силы, а она преумножает силы волшебника. Тогда как магия потакает страстям и желаниям.

— Так а что же в этом плохого?

— Ну как же? Магия развращает душу. И того, кто ее делает, и для того, кому ее посвящают. Маг — это волшебник, но развращенный. Маги могут колдовать, очаровывать, предсказывать. Все это хоть и выглядит эффектно, но на самом деле иллюзорно и силы настоящей не имеет. Это волшебство, если называть его так, очень поверхностное, и на половину — всего лишь фокусничество.

Петя нахмурился. Потом спросил:

— А я подумал, что было бы неплохо заглянуть, например, в будущее и узнать, нашлось пропавшее или нет.

— Будущего вообще никто не может видеть. А кто говорит, что видит — это шарлатаны!

Заметив Петину попытку схитрить, Гур добавил:

— Самый верный путь — прямой. Потерял — ищи. И найдется.

— Ну вот мы и ищем. Скажите, Иван Николаевич, может,

хоть вы нам объясните... Это чудо Федора Михайловича, оно как выглядело?

— Ну конкретно этой работы я и сам не видел. Но есть у меня где-то снимки некоторых других.

— А нам сказали, что...

— Так это для посторонних нельзя, между собой волшебники делятся.

— А вы нам...

— Ну, разумеется, покажу. Дать домой не смогу, а показать — покажу.

Гур стал искать фотографию, где он с другими волшебниками снялся на фоне одного чуда Федора Михайловича. Найти никак не получалось. Он заглянул на антресоль, где стояли, прислонившись друг к другу рамы. Когда Гур их раздвигал, из них доносились звуки леса, деревни. В одной раме что-то взорвалось. А когда Гур отодвинул раму с коричневым боком, из нее вылетел здоровенный глухарь! Он пролетел под потолком, прямо над Петей и Соней, и выпорхнул в окно. Иван Николаевич только успел сказать: «Ой-ё!». Потом поставил все плотно, как оно стояло, и спустился по лесенке на пол.

— Да где ж она может быть? На глазах же была. На стене вроде висела одно время... Ах, точно!

Он подошел к окну, схватился за раму, поднял ее и переставил к другой стене. Вместе с окном. Освещение комнаты тут же изменилось, ведь солнце из окна стало светить в

комнату с другой стороны. Теперь окно стояло на полу, а на освободившейся стене обнаружилась приклеенная фотография. Гур взял снимок, положил его на стол. А раму с окном вернул на тот же гвоздик, с которого снял. И все стало, как было.

Петя и Соня застыли в невероятном изумлении. Ведь в том окне был пейзаж — целый вид. С домами и облаками. Из этого окна в комнату попадал солнечный свет. И в него, кстати, вылетел глухарь!

Удивлениям не было конца, ребята даже устали удивляться. Теперь их наполняло ощущение, что они привыкают к волшебству. Но никакая привычка не могла прогнать очарование.

Гур показал снимок. На черно-белом снимке собралось много людей, среди них были и Гур, и Федор Михайлович. Правда, на снимке они выглядели значительно моложе. Тетя Люся была молодой красивой девушкой с модной по тем временам прической, и узнали ее ребята только по глазам в тех же крупных очках. В центре возвышалась какая-то конструкция.

— Ну и чудо, — сказал Петя, — на старую антенну похоже! Что в ней волшебного, интересно?

— Похожа она на иероглиф, обозначающий «Путь», — ответил Гур. — А если полностью, то «Путь Ци»! Тогда Федя очень увлекался восточной магией и даже переписывался с одним китайским кудесником. Он даже одет, видите, как!

Кстати, вот, да, волшебным образом то, что эта, как вы говорите, антенна улавливает энергию ци, очищает ее, и если взяться за основание вот той части, то она способна придать человеку сил.

— И правда работает? А сейчас эта штука где?

— Конечно, работает. Это надо спросить у Федора Михайловича. Если я... Эх, если память не подводит, то вроде ее на восток отправили по программе обмена премудростями. Так, наверно, там и лежит.

— Теперь понятно, почему китайцы и японцы так молодо выглядят долгие годы! — улыбнулся Петя.

— Конечно! — подтвердил Иван Николаевич.

— Так, стало быть, мы и теперь ищем какую-то конструкцию в восточном стиле?

— Скорее всего, только насчет стиля я не уверен, по стилю подсказать не смогу. Федя всегда уединенно работает и труд представляет, только-только закончив дело. Так что чем он сейчас увлечен, это бы с ним еще переговорить...

Тем временем Тетя Люся тоже успела заняться поисками пропажи и отправилась к одному знакомому магу. Хотя волшебники магов не любят официально, но и между ними бывает дружба и время от времени некоторое сотрудничество. Например, если на выставке чудес маловато работ истинных волшебников, то ее дополняют работами магов. В таком случае их магами никто не называет, конечно, только за глаза, но

в каталоге пишут, как положено: «Волшебник такой-то». Бывали случаи даже, когда мага официально признавали волшебником в результате долгой дружбы. Бывало и наоборот.

«Тук, тук, тук», — постучалась в дверь тетя Люся. Дверь приоткрыл охранник.

— А вы к кому?

Дело в том, что маг, к которому пришла пожилая волшебница, трудился официально фотографом в местной газете. У него была комнатка, в которой он мог работать и тихо заниматься своими делами. Там он, собственно, и прятался.

— Я к Петру Александровичу Соколову, — ответила тетя Люся.

— Знаем такого, а он вас ждет? — уточнил охранник. — Видите ли, у нас сейчас вход строго по пропускам. Ну или по договоренности.

— Конечно, ожидает.

Охранник подвоха не видел в честных глазах женщины и пропустил. Но на всякий случай сопровождал до кабинета Петра Александровича. Исключительно для того, чтобы ему потом не прилетело от начальства, что «посторонние просто так ходят». Хотя ему бы и не прилетело, потому что Люся посторонней тут не считалась.

— Людмила Ивановна! — радостно воскликнул Петр Александрович, только приоткрылась дверь в его кабинет. — Здравствуйте!

Охранник, увидев, как радостно проходит встреча, тихо

удалился.

— Здравствуй, дорогой Петр Александрович! — ответила тетя Люся, и они по-дружески крепко обнялись.

Потом она рассказала старому другу о произошедшем. И старый друг сразу понял, чем помочь. У него была особая способность предвидеть будущее — но недалеко. Петр Александрович мог как бы предвидеть момент. Это, кстати, помогало ему в работе фотографа, ведь он заранее знал, что произойдет в следующую секунду и куда лучше, с какого ракурса навести фотоаппарат. Очень ценное умение при съемке репортажей. Снимки у него всегда получались отменные и поражали тем, какие моменты он выхватывал. Например, человек еще только собирается выронить мороженое из рожка, а Петр Александрович уже тут как тут: и резкость у объектива настроил, и успел снять падающий шарик и эмоцию того, кто его выронил, и окружающих прохожих эмоцию. И еще пару кадров о том, как этот шарик до земли летел, как упал, как лежал, и как чья-то нога на него сейчас наступит, и вот за два миллиметра до соприкосновения подошвы и мороженого... получался гениальный кадр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.